

причем — что немаловажно — шероховатости могут быть «новообразованиями», появляться вторично (как мачеха) на месте гладкой поверхности (показательны приводившиеся выше примеры: рус. печор. *мачехина береста* 'березовая кора, вновь выросшая на ободранном месте ствола', арх. *мачехино берэсто* 'шероховатый слой древесины под берестой'). В испанском языке образы мачехи и отчима воплощают также признак помехи, препятствия, ср. исп. *padrastro* («отчим») = *madrastra* («мачеха») 'препятствие, помеха, затруднение' [АВВУ Lingvo x 5]. Как бы то ни было, показательное вовлечение этих образов именно в «пальцевую сферу», богатую в плане «семейственности».

2.2.1.2. Названия рыболовных снастей

Если в комплексах, составленных названиями пальцев, нет ярко выраженного образа-инициатора, который служит толчком для разворачивания системы (пальцы в своей совокупности воспринимаются как семья и равноправны в этой образной роли), то в ряде случаев в метафорических микросистемах выделяется такой иницирующий элемент. Для его определения можно использовать следующие критерии: 1) распространенность метафоры в разных диалектах / языках; 2) словообразовательная и семантическая вариативность соответствующих слов; 3) «прочитываемость» метафоры, ее номинативная самостоятельность.

Толчковым образом для «семейных» комплексов чаще всего служит образ матери (образ отца в языке вообще выражен очень слабо). Так обстоит дело и в комплексах, образованных терминами рыболовства.

Мать — часть невода (в виде мешка) или ловушки, где скапливается рыба, мотня: рус. арх. *мáтерь*, арх., влг., карел., костр., краснор., новг., перм., печор., пск., ср.-урал., тюмен., яросл. *мáтица*, шир. распр. *матка*, арх., влг., костр., свердл. *мáтница*, ср.-урал. *матри́ца*, арх., влг., пск., ср.-урал. *маточка*, влг. *маточник*, влг., томск. *мату́ха* [БТДК: 278; ДЭИС; СРНГ 18: 31, 33–34, 39; КСГРС; ЛКТЭ; СВГ 4: 75; Кошкарева 1993: 74; ПОС 18: 49, 52–53, 55; СРГК 3: 202–203; СРГНП 1: 409; СПГ 1: 508; АС 2: 125; НОС 5: 74; СРГСУ 2: 120; СРГС 2: 264–266] и др.; укр. *матня́*, блр. диал. *матня́*, кашуб. *масёса*, ст.-польск. *masica*, *matnia*, польск. *matnia*, диал. *matnio* [ЭССЯ 17: 260–261; 18: 19–20]. Ср. также близкие значения: *матка* влг., ленингр. 'небольшой невод' [СРГК 3: 203], ср.-урал. 'верхняя наружная часть морды и подобных плетеных ловушек' [ДЭИС], арх. *матица* 'самый большой общий невод при ловле рыбы артелью', влг. 'наружная часть рыболовного снаряда киньги' [СРНГ 18: 30], печор. 'частая сеть для ловли мелкой рыбы' [СРГНП 1: 408], пск. *матник* 'невод со специальной частью в виде мешка для сбора пойманной рыбы' [ПОС 18: 54], тюмен. *мáтенка* 'садок для рыбы' [Кошкарева 1993: 74], ст.-польск. *matnia* 'разновидность рыбацкой или охотничьей сети; также ее основная часть, в которую вгоняется добыча и из которой уже невозможно ее бегство' [ЭССЯ 18: 19–20] и др.

Как нам представляется, все приведенные слова (хотя список явно не полон) реализуют «материнскую» метафору. При рассмотрении этого списка неизбежно встает вопрос о соотношении данных лексем с рус. литер. *мотня* и его соответствиями в других славянских языках. О трудности разграничения форм с *a* и *o* свидетельствует хотя бы тот факт, что польск. *matnia* 'мешок, которым оканчивается каждая большая сеть...' оказывается поданным в «Этимологическом словаре славянских языков» дважды: в статье **matъn'a* [18: 19–20] и в статье **motъn'a (?)* [20: 88–89] (и есть еще примеры такой двойной атрибуции слов на *mat-* / *mot-*). В ряде этимологических источников формы типа *мотня* ведутся к **motati* / **matați* (*se*) — на том основании, что мотня невода «мотается» при его извлечении из воды. Излагая эти гипотезы, Г. Ф. Одинцов высказывается в пользу возведения спорных форм к **matъn'a* (мотивацией является центральное, срединное положение этой части рыболовных устройств; «мотание» центральной части невода — наиболее устойчивой — маловероятно) [ЭССЯ 18: 20]; Ж. Ж. Варбот более осторожна: она приводит разные версии и замечает, что при допущении первичной структуры **matъn'a* для некоторых рефлексов следует предполагать возможность вторичных ассоциаций с **motati* (*se*) [ЭССЯ 20: 89].

Думается, что возможность разворачивания «семейного» комплекса с участием этой метафоры уточнит мотивацию «материнских» лексем и даст дополнительные аргументы для корректировки этимологических решений.

Вторым по распространенности и вариативности среди «семейной» рыболовецкой терминологии можно считать образ ребенка.

Дитя — внутренний конус ловушки на рыбу, через который рыба заходит в ловушку:

- *дет-*: арх. *детей* (*дитей*), *детенец* (*дитенец*), арх., ср.-урал., тобол., тюмен., хабар. *детёныш*, арх. *детень*, арх., влг., печор., ср.-урал. *детинец* (реже *детинец*), печор. *детинец*, арх., карел. (рус.) *детинок*, печор. *детинчик*, влг. *детище*, тюмен. *детник*, арх. *деток*, ср.-урал. *детошь*, новосиб., ср.-урал., томск. *детуш*, алт., арх., астрах., влг., кемер., новосиб., перм., сиб., ср.-урал., томск., тюмен. *дэтыш* (реже *дэтыш*), ср.-урал. *дэтыш* [СГРС 2: 219–221; АОС 11: 113, 116–117, 120, 123; Кошкарева 1993: 41; ДЭИС; СПЛСР 1: 165; СРГСУ 1: 136; СПГ 1: 214; АС 1: 236; СРНГ 8: 37, 38, 40; СРГК 1: 457; СРГНП 1: 173; СВГ 2: 25; СРГС 1/2: 39]. Условно сюда же припишем новосиб. *дед* [СРГНО: 120], ср.-урал. *дэдыш* [ДСРГСУ: 129], которые формально соотносятся с *дет-*, но возникли, скорее всего, при деэтимологизации слов на *дет-*. Ср. также ряд лексем на *дет-* с близкими «рыболовными» значениями: влг. *детинец* 'верша', *дэтыша* 'рыболовный снаряд', вост.-казах. *дэтыш* 'дно рыболовного снаряда — картяжки' [СРНГ 8: 38, 40–41];
- *сын-*: свердл. *сынок* [ДЭИС], перм., свердл. *пасынок* [СРНГ 25: 270; ДЭИС], обл. *усынок* [ССРЛЯ 16: 1012].

Приведем также ср.-урал. *подморденок* 'передняя часть рыболовной снасти (морды) с узким отверстием, куда входит рыба' [ДСРГСУ: 420], в котором связь

«ребенка» с «матерью» (рыболовной мордой) выражена на словообразовательном уровне.

«Материнский» и «детский» термин могут совместно функционировать в контекстах, ср.: арх. «Детинец, а там матка, а так вёрша» [АОС 11: 117], «Детень узкий, а подалше матница» [СГРС 2: 219], влг. «Перёд плетёшь детьш, а там матуху» [КСГРС] и пр. Это создает условия для оживления образа: влг. «Детёныш маленький, как запелёнут в морде», «Перво детьша плетёшь, а потом бочку приплетаешь, детьш-от раньше матери появился», «Он вправду детьш, мать детей ведь рождает, он у ей как в брюхе» [СГРС 2: 219, 221]. «Живой» семейный образ, апеллирующий к технологии плетения ловушек (внутренний конус плетется перед тем, как сплести основной корпус) фигурирует и в загадке о ловушке на рыбу: арх. «Сын наперед матери родился» [ЭМТЭ].

В то же время требуют комментариев некоторые формальные и словообразовательные аспекты данной версии. Прежде всего следует объяснить обилие вариантов рыболовных терминов на *дет-*, не все из которых соотносимы с общенародным и диалектными обозначениями ребенка (т. е. со словами *детёныш*, *детёнок*, *детинка*, *детыш* и др.). Для несоотносимых вариантов есть разные возможности интерпретации. Во-первых, формы типа *детинец* можно связывать не с понятием «ребенок», а с понятием «детское место» (именно такая мотивация предложена А. Ф. Журавлевым для *детинец* «внутренняя крепость, кремль» [Журавлев 2002], которое в образном плане сходно с рыболовным детинцем). Во-вторых, могло произойти народно-этимологическое сближение с глаголом *деть(ся)*: *детень* и пр. — то, куда «девается» рыба, зайдя в ловушку. В-третьих, работает банальная деэтимологизация, повышающая степень вариативности лексем.

Словообразовательно неясна и форма *усынок*. В плане префиксации можно привести арх. *усынок* «усыновленный ребенок» [КСГРС]; ср. также глаголы *усынять*, *усынить* = *усыновить* [Даль₂ 4: 517]. Быть может, *усынок* образован от незасвидетельствованного метафорического значения глагола *усынить* (принять за сына → *присоединить что-л. к чему-л.)? О возможности появления дериватов *сын-* с префиксом *у-* косвенно свидетельствует также арх. *усынка* «небольшое озеро, соединенное протокой с другим озером, небольшой залив» [КСГРС], являющееся семантическим вариантом арх. *детинка*, *детиночка* «маленькое озерко, соединенное протокой с другим озером» [СГРС 3: 220] (об этих словах см. далее, в параграфе 2.2.1.3, с. 247).

Учитывая все вышесказанное, мы утверждаем релевантность «материнско-детской» метафоры в наименованиях частей рыболовных орудий. Реконструированный образ помогает уточнить мотивацию «материнских» обозначений той части рыболовных устройств, где скапливается рыба. Кажется, дело тут не только (не столько?) в признаке «центральный», «срединный» (так предполагается в [ЭССЯ 18: 20], — и это может быть принято для невода, но не очень подходит

к конусообразным ловушкам), но и в признаке порождения. «Материнская» часть рыболовных устройств представляется как матка или живот матери — отсюда сравнение ее с брюхом в одном из контекстов (такое сравнение может стать узуральным, ср. нем. *Kuttel* «внутренности» → «пузо» сети' [Kluge₂₀: 415]), а также возможность «соматического видения» ловушки в целом — как имеющей *горло*, «матку» и *хвост*. В этом «животе» появляется, «зарождается» рыба, — и можно думать, что здесь есть даже некоторый «дезидератив» — пожелание обильного улова. Не случайно многие «материнские» наименования мотни соотносимы с обозначением женской матки, а также с другими реалиями, наделенными признаками порождения, размножения, обилия: рус. влг. *матница* «место в улье, где разводят пчел» [КСГРС], пск. *маточник* «помещение для маток и детенышей домашнего скота» [ПОС 18: 54]⁴⁶, польск. диал. *matnio* «место в соломенном улье, где разводятся пчелы» [ЭССЯ 18: 19], рус. олон. *матка* «грибное или ягодное место в лесу» [СРНГ 18: 32]; близки по смыслу также новг. *матка* «обилие, множество чего-л.»: «Круг Петра да круг Ивана слепням самая матка, много их бывает» [СРНГ 18: 32], пск. *матка* «большое количество чего-н.»: «Самая матка у нас снегу, многа нападает» [ПОС 18: 53]. Разумеется, помимо признака порождения, соматическая «материнская» метафора реализует и признак формы, ср., к примеру, р. Урал *матушка* «широкая сторона утюга при его вертикальном положении» [Малеча 2: 410].

Помимо темы материнства, метафора родства в рыболовной лексике может использовать тему брака / безбрачия. Реализующие ее лексические факты поддерживают и развивают намеченную материнской метафорой логику разворачивания образа.

Женатая (сеть) — сеть с хорошим уловом: чеш. диал. *ženatý* «о рыболовном снаряде с рыбой» [Dial-Brno].

Вдовая, холостая (сеть), молодуха — сеть с плохим уловом: рус. арх. *вдовая сеть* «рыболовная снасть, вытянутая без рыбы или с незначительным количеством рыбы»: «Вдова сеть пришла, нет у ей в животе ничего» [СГРС 2: 38], *холостой* «без рыбы (о ловушке на рыбу)» [КСГРС], пск. *с молодухой приехал* (кто-л.) «о том, кто совсем не поймал рыбы» [СРНГ 18: 229].

Метафоры женатой или холостой (вдовой) ловушки (т. е. рыбной или безрыбной) прозрачны. Комментария требует только выражение *с молодухой приехал*: в нем используется образ молодой жены, не имеющей пока детей, а потому символизирующей бесплодность усилий рыбака, т. е. пустоту сетей. Ср. распространенный запрет брать женщин на рыбалку: они отвлекают на себя «производительную силу» орудий лова.

⁴⁶Это слово объединено в той же группе говоров прямой метафорической связью с *маточник* «место внизу сачка, где скапливается рыба» [ПОС 18: 54].

Образ вдовы применительно к рыболовной теме может иметь еще один поворот, ср. рус. твер. *вдовка* 'сеть из одного полотна': «Вдовка — это неряжевая сеть, голая сеть, одно полотно» [ТТС 2: 74]. Здесь отражен не признак улова, а особенности изготовления сети: вдовья сеть изготавливается из одного полотна — в отличие от *ряжёвых* (*режёвых*) сетей, состоящих из двух или трех полотен с ячейками разной величины [СРНГ 35: 348]. Очевидно, соединение разных полотнищ, материй воспринимается как их «женитьба»⁴⁷, ср. рус. влг. *холостой* 'неутепленный (об одежде)' [СВГ 11: 201], не соединенная с другими или неподшитая ткань именуется «одиной»⁴⁸ или «вдовой».

В заключение укажем на еще одну (гипотетическую) возможность проявления семейной метафоры в рыболовной лексике: реалия, называемая польским словом *dziad* («дед») 'жердь, поддерживающая тыльную часть невода' [SGP 7/1: 138], находится в непосредственном контакте с мотней (польск. *matnia, matnio*), что создает предпосылки для «эротического» прочтения этой метафоры (слово «дед» в славянских языках обозначает, кроме прочего, всевозможные палки, жерди, фигурирующие в строительных конструкциях и технических приспособлениях, и реализует чаще всего признак опоры или же антропоморфной формы объекта; при этом может актуализироваться и «эротический» потенциал образа).

2.2.1.3. Лексика речного ландшафта

Речной ландшафт тоже может восприниматься через призму семейных отношений — связей матери и ребенка, мужа и жены, братьев и сестер, влюбленных и др. Напомним некоторые фольклорные примеры такого плана, которые рассмотрены, в частности, в известной статье Я. И. Гина [Гин 1992] о былинном эпосе: реки Днепр и Сож — братья; Днепр — батюшка; Волховь (форма имени Волхов) — матушка; Непра (женская «ипостась» Днепра) — мать богатыря Сухмана, который сам становится Сухман-рекой; Дон может иметь отчество — Иванович <добавим: по Иван-озеру, из которого он вытекает⁴⁹. — Е. Б.>, а парой к нему выступает Непра-королевична и т. п. [Там же: 112–113]. Как удалось показать Я. И. Гину, логика разворачивания «семейной» метафоры во многом определяются грамматическим родом названия реки. «Семейные» речные образы встречаются не только в былинах, но и в малых фольклорных жанрах, ср., к примеру, загадки о «взаимоотношениях» реки и ее притоков: арх., яросл. «Есть мать — как вырастут у ней большие дети — всех пожирает» <река>⁵⁰ [Садовников 1996: 176, № 1537],

⁴⁷ Ср. близкий образ: рус. забайк. *в лобки* (*стоять, ставить*) 'рядом, недалеко друг от друга (о сетях)' [ФСРС: 108].

⁴⁸ Ср. рус. моск. *одинец* 'вид тонкой пряжи, из которой ткют полотно на стане с бердом в одиннадцать пасм', калин. *одинец* 'вид рыболовной сети' [СРНГ 23: 29].

⁴⁹ Ср.: «Два брата родные, оба Ивановичи, да один Дон, а другой Шат (реки Дон и Шат обе текут из Иван-озера)» [Даль₂ 1: 124].

⁵⁰ Образный эффект в данном случае в определенной степени основывается на оживлении стертой внутренней формы слова *устье*.

пск. «Какая мать своих дочерей сосет?» <река, море> [Там же: 178, № 1550]; «Мать детей сосет» <река (весной)> [ЖЧРФ 2: 439], «Какая мать своих дочерей сосет?» <море> [Там же]; ср. также польск. «Czy jest taki ojciec, co pożyło swoje dzieci?» («Есть ли такой отец, который пожирает своих детей?») <море и реки> [PZL: 136, № 572] и т. п.

Если фольклорные данные обнаруживают системно-языковую обусловленность «семейных» образов, то можно предполагать наличие таких метафор и в собственно номинативной системе, в обозначениях элементов речного ландшафта — как апеллятивных (в гидрографической номенклатуре), так и проприальных (в гидронимии)⁵¹. Этот вопрос, кажется, специально не изучался⁵², что побуждает нас рассмотреть его подробнее. Думается, что направленный поиск звеньев «семейной» метафоры поможет семантической реконструкции отдельных темных слов.

В предыдущих случаях «семейные» комплексы были представлены небольшим количеством значений, вариативно воплощаемых с помощью различных образов родственников. В данном случае значений гораздо больше (лексика речного ландшафта, как и географическая терминология в целом, имеет повышенную многозначность), поэтому материал удобнее организовать не от значения к языковому образу, а противоположным путем — от образа к значению.

В лексике речного ландшафта представлены следующие образные ряды:

- родители и дети;
- брачные отношения;
- холостяк, вдова;
- братья и сестры;
- кумление.

Родители и дети. Для воплощения представлений об основном русле реки, ее фарватере, роднике, источнике и др. в общеславянском масштабе используется «материнская» метафора: рус. сиб. *матерья* 'основное русло реки в отличие от рукавов', арх., влг., перм., сиб. *матерья*, заурал., кемер. *матка*, арх., оренб., перм., сиб. *материк* 'фарватер реки', ст.-укр. *матка* 'русло реки', серб. *матича* 'источник', *матичиште* 'средняя, наиболее глубокая часть речного русла', болг.

⁵¹ Приводя примеры из нарицательной лексики, мы стараемся дать весь собранный материал (пусть немногочисленный и, конечно, не исчерпывающий), а подачу географических названий ограничиваем несколькими более или менее прозрачными иллюстрациями, поскольку полный анализ фактов топонимии потребовал бы пристального внимания к мотивам номинации в каждом конкретном случае, необходимости разграничивать качественные (метафорические) и посессивные названия и т. д.

⁵² Из работ по смежной проблематике отметим интересную и содержательную статью М. В. Ахметовой, посвященную другому роду «семейной» модели, объединяющей собственные имена городов [Ахметова 2012]. Эта модель функционирует главным образом не в номинативной системе, а в текстах, в том числе фольклорных (типа «Ростов — папа, Одесса — мама», «Нижний — брат Москвы ближний», «Усолье-град — Петербургу брат» и т. п. [Там же]).